

зал: «Я не могу отвлекаться. Я пишу монографию». «Сколько же ты будешь ее писать?» – спросил я. И получил такой ответ: «Ты, наверное, слышал о нашумевшем процессе в Америке: некий человек посылал письма разным людям, а в них были заложены взрывные устройства, и несколько человек были убиты. Он был осужден (в соответствии с законами США) на три пожизненных заключения и еще тридцать лет. Я думаю, что этого мне хватило бы».

Вот какой масштаб творческой активности породили три маленькие заметки Андрея Николаевича Колмогорова, оказавшиеся столь благодатным зерном, брошенным в ниву науки! Нет никакого сомнения, что если бы наша научная общественность озаботилась этим вовремя, вклад Колмогорова в теорию турбулентности был бы увенчан Нобелевской премией. Этот вопрос поставил известный бельгийский ученый И.Пригожин, но слишком поздно, когда Андрею Николаевичу оставалось жить всего полгода.

А.Н.Колмогоров родился 25 апреля (12 апреля по старому стилю) 1903 года в Тамбове. Его мать умерла через несколько часов после рождения сына, и он был воспитан сестрой своей матери – Верой Яковлевной Колмогоровой. Его детство прошло в Туношне под Ярославлем, в имении деда – Якова Степановича Колмогорова. Дед Андрея Николаевича был крупным помещиком, предводителем углицкого дворянства, попечителем народной гимназии. Свое раннее детство в Туношне Андрей Николаевич всегда вспоминал как очень счастливое. Вера Яковлевна с сестрами устроила в туношенском доме «маленькую школу, – вспоминал Андрей Николаевич, – в которой занималась с десятком детей разного возраста по новейшим рецептам педагогики». Издавался семейный детский журнал «Весенние ласточки», где маленький Андрей заведовал математическим отделом. Там он публиковал придуманные им задачи и свои научные мысли. «Радость математического открытия, – писал он спустя примерно шестьдесят пять лет, – я познал рано, подметив в возрасте пяти-шести лет закономерность: $1 = 1^2$, $1 + 3 = 2^2$, $1 + 3 + 5 = 3^2$, $1 + 3 + 5 + 7 = 4^2$ и так далее».

В 1910 году Вера Яковлевна с Андреем переезжают в Москву, и он поступает в одну из лучших частных московских гимназий. В этой гимназии мальчики и девочки учились вместе (такое было в те годы еще только в одной московской гимназии). В одном классе с Андреем Колмогоровым училась Аня Егорова (дочь известного историка, члена-корреспондента Российской академии наук Дмитрия Николаевича Егорова), которая три десятилетия спустя стала его женой. Андрей Николаевич навсегда сохранил чувство глубокой признательности своей школе, учителям, основателям школы – Евгении Арнольдовне Репман и Вере Федоровне Федоровой. В школьные годы у Андрея Николаевича начали складываться первые глубокие дружеские связи. И прежде всего с братьями Селиверстовыми – Николаем и Глебом. Среди других одноклассников были Сергей Ивашев-Мусатов, интересный художник и замечательная личность (Солженицын, с которым Мусатов сидел в одной шарашке, изобразил его в романе «В круге первом» под

фамилией Иванов-Кондрашов); Борис Бирюков – сын известного толстовца, автора биографии Толстого; Дмитрий Ромашов, ставший выдающимся генетиком (он вовлек Колмогорова консультантом в «эволюционную бригаду» – бригадами в тридцатые годы называлось то, что ныне зовется лабораториями, – и Колмогоров сделал замечательное открытие в математической генетике); Николай Ньюберг (сын учительницы, преподававшей в гимназии латынь) – физик-оптик, специалист по теории зрения, также имевший плодотворные научные контакты с Колмогоровым.

Круг интересов Андрея Николаевича в его гимназический период был очень широк. Его интересуют естественные науки, история, социология, шахматы и даже политическая жизнь. Он пишет утопическую конституцию островного государства-коммуны, построенную на идеалах справедливости, как понимал ее тогда четырнадцатилетний подросток. Тогда же Колмогоров самостоятельно изучает дифференциальное и интегральное исчисление по энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона. В 1917 году он принимает участие в выборной кампании на выборах в Учредительное собрание, агитируя за список №6 – плехановское «Единство».

В 1918–1920 годах, в тяжелое и голодное время, Колмогоров испытывал определенные колебания. Некоторое время он мечтал стать лесничим. Его увлекала история. «Увлечение было настолько серьезным, – вспоминает Андрей Николаевич, – что первым научным докладом, который я сделал в семнадцатилетнем возрасте, был доклад на семинаре С.В.Бахрушина о новгородском землевладении». Бахрушин – крупный русский историк, профессор Московского университета. По материалам, доложенным на семинаре, Колмогоров подготовил рукопись, датированную 14 января 1921 года. Вот как пишет об исторических исследованиях Колмогорова (опубликованных в 1994 году) наш выдающийся историк, академик В.Л. Янин: «Андрей Николаевич сам неоднократно рассказывал своим ученикам о конце своей "карьеры историка". Когда работа была доложена им на семинаре, руководитель семинара профессор С.В. Бахрушин, одобрив результаты, заметил, однако, что выводы молодого человека не могут претендовать на окончательность, так как "в исторической науке каждый вывод должен быть обоснован несколькими доказательствами"(!). Впоследствии, рассказывая об этом, добавлял: "И я решил уйти в науку, в которой для окончательного вывода достаточно было одного доказательства". История навсегда потеряла гениального исследователя, а математика приобрела его».

Колмогорова влекла к себе математика, но в те годы «техника воспринималась как нечто более серьезное и необходимое, чем чистая наука». И Андрей Николаевич поступает на физико-математический факультет Московского университета и одновременно на металлургический факультет Менделеевского химико-технологического института. Но вскоре «интерес к математике перевесил сомнения в актуальности профессии математика».